

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 930 (112.2)

И.Е. Андронов

СЕБАСТЬЯН ФРАНК КАК ИСТОРИК ЦЕРКВИ

Из всех исторических сочинений немецкого мистика и гуманиста Себастьяна Франка недостаточно исследованной остаётся концепция истории христианской Церкви, изложенная в 3-м томе «Хроники, летописи и исторической Библии». Несмотря на небольшую изученность, облик С. Франка как историка оброс стереотипными представлениями (новаторство периодизации и фактологии, демократичность, ставка на оригинальность), которые рассматриваются в настоящей статье. Историко-церковная концепция С. Франка может быть адекватно оценена после помещения в контекст лютеранской историографии XVI в. Анализ показывает, что оригинальность концепции Франка проявляется в отказе от сюжетного превалирования ветхозаветной истории над Античностью, в особом понимании гетеродоксии («ереси»), в новаторской интерпретации взаимоотношений между текстом, автором и читателем, а также в некоторых других аспектах.

Ключевые слова: история Церкви; лютеранская историография; Себастьян Франк.

Творчество немецкого гуманиста Себастьяна Франка (1499–1542) обычно исследуется с точки зрения его оригинальных религиозно-философских взглядов. Исторические сочинения этого автора также привлекали внимание исследователей, ни один из которых, однако, не выделял его историко-церковных взглядов из общей концепции [1–4]. Одобрительный отзыв о Франке из уст Карла Маркса способствовал некоторому интересу к данной персоне (см, напр.: [5. С. 179]), и в отечественной науке он оказался заметно популярнее большинства других протестантских богословов и историков первой половины XVI в. В советской учебной и исторической литературе устоялся взгляд на С. Франка как на «выдающегося философа и историка», причём в особую заслугу ему ставились положения, довольно обычные для массовой литературы той эпохи, – неприятие народных восстаний, понимание закономерности исторических событий и т.п. (см., напр.: [6. С. 98, 99]). Классовые взгляды Себастьяна Франка, вкуче с его отрицанием схоластики и безусловным новаторством, стимулировали исследовательский интерес. Тем не менее в книгах анализируются в основном социальные и общеисторические теории этого интереснейшего автора, и гораздо реже – его взгляды на историю Церкви. Интерес к его идеям несколько снижает тот факт, что ни представители противоборствующей конфессии, ни лидеры лютеранского лагеря не разделяли многих его взглядов и преследовали (или игнорировали) его идеи. На наш взгляд, более тщательное рассмотрение историко-церковной концепции Себастьяна Франка и сопоставление её с концепциями некоторых его современников способно существенно уточнить ряд оценок.

Основные положения концепции церковной истории Себастьяна Франка изложены в книге «Хроника, летопись и историческая Библия от начала мира до 1530 года» (1531) [7]. Сочинению предпослан список источников, использованных при его написании, – безусловное новшество в европейской историографии. Корпус источников по ветхозаветной истории включает в себя,

наряду с наиболее уважаемыми церковными авторами и составителями средневековых и ренессансных «Хроник», также языческих античных авторов – от Авла Геллия до Валерия Максима. Подборка охватывает всех тех античных писателей, чьё творчество пользовалось широкой популярностью на протяжении всего Средневековья и Раннего Нового времени. Достойное место в нём занимают Плутарх, авторы «Истории августов» и Дион Кассий. Библия, разумеется, также помещена среди источников, как помещены и некоторые нормативные документы Курии и сочинения некоторых Отцов Церкви. Среди авторов церковных историй выделяются исключительно популярные в 1530-е гг. составители «Трёхчастной истории» и её продолжатели. Главным источником по более поздней истории являются Науклер, Эразм и Помпоний Лэт, а также самая знаменитая фальшивка того времени – хроники Бероза.

Первый том сочинения посвящён, главным образом, ветхозаветной хронографии, основанной на традиционных всемирно-исторических схемах семи эпох и четырёх монархий, в сопоставлении и тесном переплетении с историей Греции и Рима. Классические древности провозглашены вполне самодостаточной отраслью знания, не менее интересной по сравнению с библейскими сюжетами. «Греки, римляне и евреи были настолько благородны во всём и настолько точно записали все свои деяния, что всё, что бы ни сказали или совершили особенного даже их женщины или дети, было зафиксировано пером, и весь мир должен это читать и знать» [7. Т. 1. S. aij r]. В этом фрагменте, как и в ряде других, Франк фактически допускает рассмотрение на равных в качестве источника ветхозаветные тексты и произведения античных языческих авторов! В ранней протестантской литературе это уникальное явление, а тенденция рассматривать все религии как единый феномен получит своё продолжение гораздо позже, в 1570-е гг., в трудах некоторых католических писателей.

Собственно «Хроника» начинается с тем, обычных для зачинов хроник XVI в., – о Боге и имени Его, о Творении и генеалогии Праотцов. Однако благожелательное цитирование по данным темам Аристотеля, Платона (реже – других античных философов) является для протестантской литературы новшеством. Например, в рассуждениях о душе приводятся мнения Пифагора, Асклепия, Парменида и множества других языческих мыслителей [7. Т. 1. S. 8 и далее]. Фактический отказ от апробированных представлений о приоритетности одних источников над другими и Священного Писания над всеми стал причиной будущих разногласий с лютеранскими лидерами. Очень подробный рассказ о языческих божествах, включающий пророков, персонажей древневосточной, греческой и римской мифологий, носит характерное название «О людях, которых принимали за богов». Туда же помещён рассказ об амазонках, Троянской войне, а также взятые, очевидно, из Бероза рассказы о мифических прародителях франков и германцев, о легендарном основании множества западноевропейских городов [7. Т. 1. S. 16–24].

Второй том сочинения реконструирует историю светских государств после эпохи Октавиана Августа, также повторяя обычные фактологические схемы (они встречаются у Хедио или – чуть позднее – в «Хронике Кариона»). Основное внимание уделяется преемственности между императорами Древнего Рима, Византии (до конца VIII в.) и Запада (Священной Римской империи) в соответствии с господствовавшей идеологией «переноса империи» с Востока на Запад. Светская история христианской эры открывается анализом атрибутов императорской власти, а также символичности её для христианской истории. Описание подобных символов стало для Франка поводом к поднятию более широкой темы – о генезисе рыцарства, его исторической роли и моральном долге перед обществом в целом [7. Т. 2. S. 132r et v]. Увлёкшись этой темой, Франк отождествляет «ассирийскую империю» со львом, персидскую – с медведем, а империю Александра («греческую») – с леопардом. Эти монархии были подобраны в соответствии с наиболее распространённым способом интерпретации Даниилова пророчества. Само оно также было подробно описано [7. Т. 2. S. 133ff].

Императоры в сознании Себастьяна Франка являлись носителями светского начала в самом широком смысле. В частности, к определённым императорам отнесены крупнейшие события светской жизни, развитие технологий, величайшие изобретения, как, например, изобретение «при Фридрихе III» книгопечатания [7. Т. 2. S. 215r]. В главу, посвящённую императору Сигизмунду, помещена история гуситского движения, место которого – в томе по светской истории [7. Т. 2. S. 208r и далее]. Как и в творчестве Каспара Хедио, у Себастьяна Франка заметно «туннельное зрение»: чем ближе к современности, тем более узок его географический кругозор и тем заметнее

преимущественное внимание, уделяемое событиям из германской истории. Отчасти к этому располагала и фактура (преследования анабаптистов или недавняя Крестьянская война), хотя крупнейшие общеевропейские процессы (борьба с турецким натиском, Итальянские войны) также обильно присутствуют. Несмотря на то что Франк отвёл второй том своего сочинения для описания светской истории, сюжетам из церковной (в нашем сегодняшнем понимании) в нём также отводится довольно много места. Темой отдельного исследования должны стать природные аномалии, часто отмечавшиеся в «Хронике» Себастьяна Франка и произведениях его современников как проявление Божьей кары за те или иные искажения христианского учения [7. Т. 2. S. 236v и др.] и их соответствие глобальным климатическим переменам XVI в.

Третий том сочинения Франка имел и особое название: «Третья хроника папства и духовных дел от Петра до Юлия III». Хронологический принцип в этой части книги соблюден не строго, в отличие от предыдущего раздела. Предпочтение на сей раз отдано проблемному принципу экспозиции – сюжетам о природе папства, о Соборах (соотношению их постановлений и папской воли), ересь, мессы и идолопоклонство. Внутри соответствующих разделов хронологический принцип также не выдержан (это будет скрупулёзно сделано в «Магдебургских Центуриях»). Отметим довольно обычную для хроник XVI в. тему о Конце света и Страшном Суде [7. Т. 3. S. 253v и далее]: подобное «заглядывание в будущее» не воспринималось как что-то чуждое историческому сочинению. Так, история приобретала замечательную композиционную цельность: начатая во время Акта Творения, она закончится также одномоментно, вне воли человека. Ощущение близости этого момента, собственно, и побуждало ранних лютеранских историков к составлению «Хроник». Основным разделом третьего тома стала «Книга хроники римских еретиков», устроенная в алфавитном порядке [7. Т. 3. S. 58r–186r]. Она охватывает всех, кто тем или иным способом когда-либо выступал против официальной римской церковной доктрины от Августина до анабаптистов, от арианства до Эразма Роттердамского и Мартина Лютера. Очевидно, понятие «ересь» (kätzerey) не имело для Себастьяна Франка выраженной отрицательной коннотации и скорее помогало сгруппировать единомышленников в критике римской церкви. В этот раздел инкорпорирована глава, посвящённая Декреталиям и прочим основополагающим документам канонического права [7. Т. 3. S. 104v и далее]: как и другие протестантские историки, Франк считает их человеческим изобретением, излишним и даже вредным для реализации замысла Божьей церкви. Упоминаются в книге и наши предки: поводом к помещению в список еретиков «Рутенов или Руссов» [7. Т. 3. S. 169r] было отрицание папства апостола Петра, а также непризнание главенства Римской церкви над остальными.

Исходя из деления труда на тома, В.Г. Левен считал, что именно Франк создал учение о двух эпохах истории – ветхозаветной и новозаветной [2. С. 292]. Конечно, Франк не мог «создать» нечто, бывшее общим местом не только для всей ранней лютеранской историографии (включая Лютера и Меланхтона), но и в более широком смысле для критического направления в Церкви XV – начала XVI в. Себастьян Франк особенно выделял социальную составляющую христианского учения; для него печальные страницы в истории Церкви начались тогда, когда церковные общины начали изменять первоначальной бедности и отклоняться от своего божественного предназначения. Основные вехи церковной истории воспринимались Франком примерно так же, как Хедио, Беатом Ренаном и рядом других современников: высшая точка государственного устройства приходится на эпоху Августа, Иисус явился людям именно в этот момент, чтобы создать идеальную церковь в идеальном государстве. Безусловным достижением Себастьяна Франка, как отмечал ещё Д.Н. Егоров, было понимание различия между историческими личностями и институтами, которые они представляли [8. С. 60]. Дальнейшая история Церкви в изложении Франка – это история постепенного грехопадения Церкви; он лишь придаёт этому процессу подчёркнуто социальный смысл. Проявлениями этого грехопадения становятся отдельные аспекты церковной жизни или практики. Например, замечательный анализ перемен, затронувших на протяжении христианской истории церковную службу [7. Т. 3. С. 231v–234r], основывался на противопоставлении воли римских пап, проявлявшейся в буллах, декретах и прочих документах, и воли «немцев». Последняя не имела осязаемых для Франка форм проявления, которые он мог бы отразить в своём сочинении, поэтому основными носителями воли народных масс всё равно оставались монархи (в данном эпизоде – Карл Великий). Впрочем, пресловутую демократичность мышления Себастьяна Франка не следует переоценивать. В частности, несмотря на демократические симпатии, Франк считает идеальной формой правления монархию. Она идеальна хотя бы потому, что именно она господствовала в мире в момент Первого пришествия! [3. Т. 1. С. 98f]. Ещё одно приводимое Франком доказательство – упоминание в Евангелии от Иоанна орла: будучи символом («гербом») Римской империи, он, тем не менее, назван в Писании, а значит, приемлем и даже приятен для христиан [7. Т. 2. С. 132r].

В.Г. Левен отмечал, что среди всего множества историков начала 1530-х гг. для сопоставления с идеями Франка подходит Филипп Меланхтон, переработавший так называемую «Хронику Кариона» (см., напр., [9]). Советский историк исходил из представлений о реакционности идей Меланхтона и представлял полемику между двумя мыслителями в манихейском виде: на фоне однозначно негативного изображения Меланхтона Франк неизбежно выделялся положительных

оценок. Сегодня общеизвестно, что взгляды Меланхтона носили не реакционный, а скорее компромиссный характер, а написанное им произведение служило для распространения лютеранской историко-церковной концепции в массах, а не для дальнейшего её углубления. Идеи же Себастьяна Франка были, несмотря на свою неординарность, широко распространены среди читающего общества – об этом говорит хотя бы большое количество переизданий, явных спутников коммерческого успеха книги в XVI в.

С. Ферхёйс склонялся к возможности сопоставления взглядов Франка с идеями «Магдебургских Центурий» [3. С. 95ff; 10]. Историк ставит в заслугу Франку то обстоятельство, что он превратил светскую историю из некоего приложения к Священной в отдельную самостоятельную дисциплину, однако к такому странному выводу можно прийти, только сравнивая «Хронику» с «Магдебургскими Центуриями» – произведением, написанным значительно позже и целиком посвящённым истории христианской церкви. На самом деле заслугой Франка было скорее признание равноправия светской и церковной истории христианской эры, священных и светских источников. Обсуждая многие темы, характерные для лютеранской историографии Церкви 1530-х гг. (бенефиции, сложная церковная иерархия, симония и прочие злоупотребления), он выделит их из контекста более общей проблемы отношений между церковной и светской властями. Более поздняя лютеранская историография будет в целом избегать такого выделения, однако, если сопоставлять «Хронику» с современными ей произведениями, то оригинальность подхода С. Франка станет очевидной.

Франк, в отличие от Меланхтона, например, ясно осознаёт различие между «видимой» и «невидимой» Церковью, т.е. между Церковью как институцией и как совокупностью всех христиан, вселенской христианской общиной. В этом отношении Франк действительно оказался далеко впереди своего времени; эта линия получит своё развитие лишь в «Магдебургских Центуриях». Впрочем, в «Исторической Библии» вышеуказанное различие развёрнуто не формулируется, что приводит к определённым противоречиям. Преодолеть его в рамках данной работы оказалось Франку не под силу; это будет сделано в позднейшей лютеранской историографии. Расхожий тезис об оппозиционности Франка Лютеру и его теологии, в частности, был существенно уточнён в трудах Хорста Вайгельта [4. С. 39–52; 11]. В науке XX–XXI вв. принято в целом несколько абсолютизировать конфронтацию Франка и «ортодоксального» лютеранства; нам представляется, что более плодотворно было бы рассматривать исторические произведения Франка как важный элемент межконфессиональной полемики, в ряде позиций обнаруживающий богословскую и мировоззренческую самостоятельность.

В отличие от большинства своих современников, Франк по-новому определяет цель своего труда. От-

ринув традиционные для позднего гуманизма рассуждения об утилитарности истории или её способности «развлекать и учить», он неоднократно говорит о «свидетельстве» (*Zeugnis*), которое представляет его книга о былых временах, и «суде» (*Gericht*), на который будет способен читатель после прочтения книги. Тем самым читатель возносится на небывалую для историографии XVI в. высоту, с которой он будет судить былые эпохи и их деятелей, опираясь на «свидетельские показания» истории. Ян-Дирк Мюллер отмечал [4. S. 21f], что Франк «не хотел» быть автором: по его собственному мнению, он лишь передавал определённые сведения о явлениях, первопричиной которых была Божья воля. Сам Франк прибегал для описания своей роли в создании труда к неожиданным и красочным метафорам: о собирающем растения аптекаре, о храмовом сосуде, которым пользуются по надобности, а также (очень смело) о собственном «воровстве» из сокровищницы фактов или о «попрошайничестве» [7. Т. 1. S. aiii]. На многих страницах своего труда он претендует лишь на то, чтобы свидетельствовать, а не чтобы поучать. На титульном листе его «Хроники» присутствует гордое упоминание о том, что ничего подобного на немецком языке ещё не появлялось: в этом видел Франк свою основную заслугу. Такое позиционирование автора, наряду с совершенно необычным отношением к читателю, добавляло оригинальности авторской концепции и при-

влекало дополнительное внимание к публикации. Последователей в этом смысле в XVI в. у Франка не обнаружилось.

«Хроника» Себастьяна Франка была одним из первых сочинений протестантской историографии Церкви. Несмотря на следование в целом распространённым моделям (деление всемирной истории на эпохи, последовательность императоров как основной сюжетный стержень, «перенос империи» и пр.), автору удалось создать полностью самостоятельную концепцию, благодаря множеству переизданий закрепившуюся среди читающей немецкоязычной публики эпохи Реформации. Созданная концепция охватывает множество сюжетов, охватывающих, помимо истории, различные отрасли богословия, практической политики, канонического права. Некоторые отмеченные аспекты исторической концепции Себастьяна Франка (отказ от трактовки Писания как доминирующего исторического источника, расширительное понимание термина «ересь» и пр.) содержали в зародыше причины будущих конфликтов внутри протестантского лагеря. Тем не менее социальные взгляды Франка, его оригинальная интерпретация взаимоотношений между историком, его текстом и читателем были очевидным вкладом в общую эволюцию исторического знания, а его концепция церковной истории стала важным элементом межконфессиональной полемики, развернувшейся в церковной историографии XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Onken H. Sebastian Franck als Historiker // *Historisch-politische Aufsätze und Reden*. München-Berlin, 1914.
2. Леон В.Г. Исторические взгляды Себастьяна Франка // *Средние века*. М., 1955. Т. 6. С. 268–294.
3. Verheus S.L. *Zeugnis und Gericht: kirchengeschichtliche Betrachtungen bei Sebastian Franck und Matthias Flacius*. Nieuwkoop, 1971.
4. Sebastian Franck (1499–1542). Hrg. von J.-D. Müller. Wiesbaden, 1993.
5. *Архив Маркса и Энгельса*. М.: Госполитиздат, 1940. Т. 7.
6. *История Средних веков* / под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. М., 1991.
7. Franck S. *Chronica, Zeytbuch und geschicht bibel von anbegyn biß inn diß gegenwertig M.D.xxxj. jar: Darinn beide Gottes vnd der welt lauff, handel, art, wort, werck, thun, lassen, krieges, wesen, und leben ersehen und begriffen wirt. Mit vil wunderbarlichen gedechtniß würdigen worten und thaten* [...]. Straßburg, 1531.
8. Егоров Д.Н. История Средних веков (историография и источниковедение). М., 1913. С. 60.
9. *Chronica Ioannis Carionis. Halae Suevorum*, 1537.
10. *Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica*. 13 vv. Basileae, Oporinus, 1559–1574.
11. Weigelt H. Sebastian Franck und die lutherische Reformation. Gütersloh, 1972.

Andronov Ilya E. Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mistermatto@mail.ru

SEBASTIAN FRANCK AS CHURCH HISTORIAN.

Keywords: Church history; Lutheran historiography.

Sebastian Franck exposed his original view of the Church history in the third volume of his major work “Chronica, Zeitbuch und Geschichtsbibel” (1531). Dedicated mainly to the universal chronological pattern, the Franck’s work did not exclude the Church history matters from the more general reconstruction. While the first volume of his “Chronica” dealt with the Old Testament history, the second and the third ones were dedicated respectively to the secular and Church history of the Christian age. One of the most important features was the large use of information on pagan deities and rites which was incorporated into the chronological scheme of the Old Testament history. The backbone of Sebastian Franck’s conception was the line of Emperors which was built according to the author’s vision of power continuity. It started with August and continued with Roman Emperors. The VIII century crisis allowed to transfer the symbolic value of the imperial power to the Emperors of the West and later to those of the Holy Roman Empire, according to the popular concept of *translatio imperii*. While the above-mentioned division into parts was a certain common place in the historiography of that time, it was the interpretation which enables us to point to the “Chronica” as a really innovative work. The originality of Franck’s conception consisted in his ability to fill the general stereotyped pattern with a keen social content. But, despite the common opinion, Franck’s conception does not seem that democratic. His sympathies towards monarchy can be easily proved. Another peculiarity of “Chronica” consisted in the interpretation of the idea of “visible” and “invisible” Church; both of them have a delicate relationship to the Christian doc-

trine. Furthermore, the Franck's views of the purposes of his work in particular and of those of a global historical reconstruction in general are to be mentioned. The conceptions of Sebastian Franck's "Chronica", as well as some of his statements on the Church history, made a considerable influence on the inter-confessional dispute of the XVIth century in the field of the Church historiography.

REFERENCES

1. Onken H. *Sebast'yan Frank kak istorik* [Sebastian Frank as a historian]. In: *Istoriko-politicheskie stat'i i rechi* [Historical and political articles and speeches]. Munich-Berlin, 1914.
2. Leven V.G. *Istoricheskie vzglyady Sebast'yana Franka* [Historical views of Sebastian Franck]. In: *Srednie veka* [Middle Ages]. Moscow, 1955. Vol. 6, pp. 268-294.
3. Verheus S.L. *Svidetel'stvo i sud: tserkovno-istoricheskie rassmotreniya u Sebast'yana Franka i Mattiasa Flatsiusa* [Testimony and court: Church and historical review of Sebastian Franck and Matthias Flatsius]. Nieuwkoop, 1971.
4. Müller von J.-D. *Sebastian Franck (1499–1542)*. Wiesbaden, 1993.
5. *Arkhiv Marksa i Engel'sa* [The Archives of Marx and Engels]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1940. Vol. 7.
6. Udaltsova Z.V., Karpov S.P. (eds.) *Istoriya srednikh vekov* [History of the Middle Ages]. Moscow, 1991.
7. "Khronika, letopis' i istoricheskaya Bibliya ot nachala do nashogo 1530 goda, v kotoruyu vklyucheny i v kotoroy opisany deyaniya Gospoda i sveta, trgovlya, iskusstvo, literatura, trud, sversheniya i povedenie, voyny, znaniya i zhizn'. So mnozhestvom zamechatel'nykh faktov, dostoinnykh upominaniya slov i deyanii" [Chronicles and Historical Bible from beginning to our 1530 which includes and which describes the activities of the Lord and the World, Trade, Art, Literature, Work, Achievements and Behavior, War, Knowledge and Life. With a variety of remarkable facts, words and deeds worth mentioning]. Strasburg, 1531.
8. Egorov D.N. *Istoriya srednikh vekov (istoriografiya i istochnikovedenie)* [The history of the Middle Ages (Historiography and source studies)]. Moscow, 1913, p. 60.
9. *Chronica Ioannis Carionis*. Halae Suevorum, 1537.
10. *Tserkovnaya istoriya, sodержashchaya polnost'yu ideyu Khristovoy tserkvi v tom, chto kasaetsya mesta, rasprostraneniya, presledovaniy i spokoystviya, ucheniya, eresey, ritualov, upravleniya, raskolov, Soborov, personazhey, chudes, muchenichestva, drugikh religiy i politicheskogo polozheniya Imperii, i izlagayushchaya eto v yasnom poryadke po otdel'nym stoletiyam: s unikal'nym userdiem i tochnost'yu sobrannaya iz drevney-shikh i luchshikh istorikov, Ottsov tserkvi i drugikh pisateley neskol'kimi uchenymi i blagonamerennymi muzhami v gorode Magdeburge* [Ecclesiastical History, comprising entirely the idea of Church of Christ in regard to the place of distribution, extension and safety, teaching, heresies, rituals, management, splits, councils, characters, miracles, martyrdom, other religions and political situation of the Empire, and stating this in a clear way by individual centuries: with a unique zeal and precision collected from the oldest and best historians, Church Fathers and other writers by several scientists and well-meaning men of the city of Magdeburg]. Bazel', 1559–1574.
11. Weigelt H. *Sebast'yan Frank i lyuteranskaya reformatsiya* [Sebastian Frank and the Lutheran Reformation]. Gütersloh, 1972.